

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ПОИСКАХ «ИЖЕВСКОГО МИФА»: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Татьяна Анатольевна Власова (tavlasova@yandex.ru),
Константин Николаевич Обухов (fagotfrosch@gmail.com)

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия

Цитирование: Власова Т.А., Обухов К.Н. (2021) В поисках «ижевского мифа»: символическое пространство города как ресурс развития территорий. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(4): 196–220.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.8>

Аннотация. Представлены результаты исследования символического пространства Ижевска. Ижевск рассматривается как типичный пример трансформации постсоветского города, где реализация программ благоустройства и развития среды дала импульс для дискуссий о городской идентичности. Исследование позволило выявить многообразие представлений о символах города и соотнести наиболее распространенные способы репрезентации Ижевска с различными категориями жителей. Эмпирической базой исследования выступают серия полуструктурированных интервью (n=30) с экспертами в сфере городского развития и опрос населения Ижевска (n=1001). Эксперты описывали три способа репрезентации Ижевска. Помимо уже привычного концепта города оружейников формируются образы, опирающиеся на характеристики, связанные с промышленной продукцией и спортом, художественным искусством и музыкой. Разнообразие городской символики, которое используют эксперты, слабо транслируется в качестве элемента идентичности города в средствах массовой информации и мало воспроизводится рядовыми горожанами. Материалы опроса показывают, что горожане склонны использовать устоявшуюся символику. Индустриальное прошлое Ижевска доминирует в качестве общепризнанного источника символов. Анализируя предпочтения горожан, невозможно сформировать единый целостный набор городских символов, который находил бы однозначную поддержку у большинства жителей Ижевска. Несмотря на то что в опросе четко прослеживаются доминирующие символы, представленные именами, образами или городскими объектами, не существует внятной логики их сопряжения или объединения. Противоречиво сочетание столичной и региональной идентичности. Региональное брендрование опирается на этническую специфику Удмуртии, которая ассоциируется с сельским образом жизни. Включение этничности в пространство города рассматривается преимущественно как результат архитектурных и дизайнерских решений. В про-

странстве города, как по оценкам экспертов, так и по мнению жителей, преобладает тенденция к использованию индустриальной символики.

Ключевые слова: городское пространство, постсоветский город, Ижевск, Удмуртия, территория, городская символика, образ города, городская идентичность.

Программы развития городской среды и благоустройства территорий реализуются в большинстве российских городов. Изменения затрагивают физическое и символическое пространство, влияют на восприятие городов их жителями. У представителей региональной власти формируется идея о том, что культура может быть источником экономического роста и развития территорий. В такой ситуации очень часто городские объекты с наивысшей степенью смысловой насыщенности оказываются в центре символического противостояния групп с разными интересами. В провинциальных городах, где число символически значимых объектов невелико, противостояние имеет свои особенности. При обсуждении перспектив развития Ижевска основными социальными и политическими акторами формируется интерес к индустриальному прошлому и этнической культуре. Каждый из этих символических комплексов воспринимается в качестве дополнительного ресурса привлечения финансирования из бюджетов разного уровня и от частных инвесторов. Учитывая разнообразие целей, методов, идеологических нарративов различных акторов, стейкхолдерами городских изменений формируется коммуникативное поле, на котором сосуществуют конкурирующие тактики и стратегии развития городского пространства. В рамках символической конкуренции легитимируется использование ресурсного обеспечения в пользу того или иного проекта и его инициаторов. В статье ставится цель выявить изменения, произошедшие за десять лет, в спектре позиций, касающихся символического пространства города и инициатив городского развития, которые влияют на воспроизводство компонентов локальной идентичности различными группами жителей Ижевска. Совмещение различных перспектив стало возможным благодаря сопоставлению экспертной позиции и результатов массового опроса.

Культурная политика в современных городах и конструирование идентичности

Концептуальной рамкой настоящего исследования стала теория культурных индустрий Д. Хезмондалша. Понятие культурных индустрий включает два основных компонента. Первый компонент — производство символической продукции, предназначенной для массового потребителя.

Второй несет в себе креативное измерение, предусматривающее инновационные идеи и изобретения, которые не сводятся к простому воспроизводству символов. Определение культурных индустрий опирается на концептуализацию связи между коммерческим и политическим использованием символической продукции и ее роль в качестве инструмента воспроизводства субъективности, идентичности, личностных смыслов и удовольствия (Хезмондалш 2014: 66). Взаимосвязь между активизацией процессов городского развития и интенсификацией локальной идентичности была выявлена в ходе исследований, начавшихся в 1970-е годы в Западной Европе и США (Hauge 2007). Предполагалось, что развитие городских пространств базируется на кооперации экономических и политических элит, чье объединение превращало крупные города в «машины роста» (Molotch 1976: 310). Рост городов, в частности в США, выражался в стремительном расширении застройки и увеличении населения. На практике это имело противоречивые последствия: удорожание стоимости жизни, дополнительные налоги, инфраструктурные проблемы, ухудшение экологической обстановки. Эти последствия привели к появлению оппозиции традиционным участникам «машин роста», ядро которой составляли представители среднего класса. В то же время академические исследователи и городские активисты (Jacobs 1961: 321) обозначали претензии по отношению к стратегии «роста». В первую очередь фокус их критики был направлен на существовавший приоритет извлечения прибыли в ущерб сохранению локальной специфики. Х. Молотч замечает, что в противостоянии с участниками «машин роста» наиболее сильные позиции были у тех локальных объединений, которые могли использовать объекты с максимальной символической ценностью (Molotch 1976: 328). Таким образом, противостояние агентов «машин роста» и «протестного движения» очень часто переходило в сферу идеологии и конкуренции за символические ресурсы, в том числе используемые нарративы для описания жизни в городе (Вахштайн 2014: 11).

Изучение практики развития городов 1980-х годов показало, что именно работа с историческим наследием, городскими символами, локальными объединениями и развитие «культурных индустрий» начали играть решающую роль в городских изменениях. Наиболее показательным в этой связи является кейс изменения индустриальных и складских кварталов Нью-Йорка: влияние художников, дизайнеров, писателей и артистов позволило ревитализировать целый городской район с соответствующим символическим значением и коммерческой выгодой, несмотря на начальные проблемы с развитием его инфраструктуры (Zukin 1982: 126). Причем изменения сделали привлекательными заброшенные складские

объекты не только для местных жителей, но и для туристов. Европейские и американские города в дальнейшем все больше ориентировались на туризм и связанный с ним бизнес. Правда, детальное рассмотрение процессов развития городов с опорой на символические и культурные индустрии показало, что в целом чаще доминировал коммерческий интерес, а не цели демократизации потребления культуры (Winter 2013: 533). На практике культурная политика выдвигала идею развития городов в форме «культурных кварталов», которые должны были привлечь местных жителей с их потребительскими запросами, а также обеспечить туристический поток, а не развивать локальные сообщества с учетом их интересов.

Несмотря на то что в середине 1990-х историческое наследие все больше становится «рыночной категорией» (Зукин 2015: 30), спорной остается постановка вопроса о том, в какой степени интенсификация содержания символических образов города ведет к экономическому благополучию. В США и Европе стратегия редевелопмента, основанного на локальной символике и работе с историческим наследием, в наибольшей степени была востребована там, где проявлялись последствия экономического упадка и/или был недостаточно развит промышленный сектор (Зукин 2015: 125). Кроме того, при проведении редевелопмента появилось осознание других противоречий городского развития. Становилось все более очевидным то, что девелоперы и строительные компании заинтересованы в прибыли от строительства, а не от развития территории. Коммерческие компании вкладывают «в постройки, а не в людей», поэтому процессы реставрации и строительства иногда заканчивались появлением невостребованных пространств. Такого не происходило, если на уровне принятия решения были задействованы локальные сообщества (Грац 2008: 194). Одним из удачных примеров был опыт длительной (1998–2006) реконструкции центра британского города Ковентри: представители общественных объединений привлекались в комиссии, принимавшие градостроительные решения на разных этапах реализации проекта (Викери 2009: 224).

Процессы развития городов в 1990–2000-х годах в Восточной Европе отличались от ситуации в «старой» Европе и США, так как по-другому была организована вовлеченность разных категорий граждан в сферу публичной политики. Так, органы власти в меньшей степени использовали каналы сотрудничества с местными сообществами, а неформальные движения реже рассматривались ими как участники процесса принятия политических решений (Polanska 2020: 185).

Мобилизация городской идентичности в современной России в целом вписывается в ту же логику развития. Процессы принятия градо-

строительных решений непрозрачны ни для рядовых горожан, ни для активистов. Поэтому большинство протестных акций в крупных городах направлены против городской «точечной» застройки (Семенов 2019: 33). В крупных и малых городах увеличивается число случаев, когда на месте снесенных или ревитализированных зданий появляются коммерческие объекты, чаще всего торговые центры (Тыканова, Хохлова 2015: 245). В городах, где сосредоточены признаваемые исторические и архитектурные ценности, бизнесу и власти особенно легко скооперироваться и создавать российские варианты «машин роста». Часто это союзы, основанные на неформальных связях, как дружеских, так и родственных. В ходе развития городских пространств власти делают выбор в пользу ресурсных игроков в ущерб интересам обычных горожан (Тыканова, Хохлова 2015: 249). Одновременно с этим общая черта активистских движений в различных сферах социальной жизни — низкий уровень доверия соратникам. Б. Гладарев, наблюдая неформальные собрания активистов градозащитных движений в Санкт-Петербурге, констатирует низкий уровень готовности идти на компромиссы, что может быть следствием отсутствия опыта публичных дебатов (Гладарев 2013: 123). Так как политизация проблем городского развития угрожает репрессивными последствиями, активисты дистанцируются от союза с любыми политическими силами.

В России исследования влияния символического пространства на развитие территорий проводились прежде всего в крупнейших городах-миллионниках, тогда как процессы в регионах, особенно в крупных городах до 1 млн жителей, изучены пока недостаточно. Москва и Санкт-Петербург оказались в поле зрения исследователей потому, что в них сформировались сообщества активистов, которые отчетливо позиционировали себя в публичном пространстве. В этом случае важно наличие комплекса идей об исключительном значении историко-культурных памятников в столичных городах (Гладарев 2013: 132). В большом количестве региональных столиц культурное наследие представлено в городском пространстве относительно слабо. Общая ориентация региональных властей на постиндустриальное развитие территорий и активное освоение федерального и частного финансирования по изменению облика городов приводит к необходимости интенсификации работы с символическим пространством территорий. Как было указано выше на материалах Европы и США, отчуждение жителей от процесса принятия решений и игнорирование практик символического производства конкретными сообществами может приводить к социальным и политическим напряжениям, а экономическая отдача проектов развития может ставиться под вопрос. Одновременно

с этим в региональных столицах ощущается недостаточная представленность сообществ активистов в публичном пространстве, а уровень вовлеченности горожан в принятие решений остается низким. Все это актуализирует исследования существующего многообразия в восприятии символического пространства постсоветских городов и его связи с практиками изменения территорий.

Методы исследования

Основой для написания статьи послужили три тесно связанных между собой исследования. Базой для первого стала серия полуструктурированных интервью с представителями экспертного сообщества Ижевска ($n=30$). Цель интервью заключалась в выявлении многообразия способов репрезентации города экспертным сообществом. Использовалась комбинированная стратегия отбора информантов для участия в беседе: метод «снежного кома» сочетался с предварительным опросом экспертов из области работы с историко-культурным наследием. Три участника проекта «Дерябинские ассамблеи» независимо друг от друга составили списки значимых для города экспертов и активистов. Люди, фигурирующие в нескольких списках одновременно, являлись приоритетными для интервьюирования. В дальнейшем они давали рекомендации относительно возможных кандидатур для привлечения в исследование. Таким образом, в итоговый список информантов попали представители академических институтов, представители музейного сообщества, члены общественных объединений и организаций, представители органов государственной власти и местного самоуправления, бизнесмены. Интервью проводились с 16 октября 2019 г. по 10 января 2020 г.

Два других исследования жителей Ижевска базировались на количественной методике и были объединены схожим инструментарием. Первое исследование проводилось с 15 марта по 10 мая 2009 г., использовался метод индивидуального анкетирования по месту жительства ($n=1300$) на основе многоступенчатой выборки (Рупасов 2009: 6). Второе исследование было проведено с 4 января по 5 марта 2020 г., использовалась комбинированная стратегия сбора данных: онлайн-опрос и очное анкетирование на улицах города и по месту жительства. Такая стратегия сбора данных опиралась на общую квотную выборку ($n=1001$), квотировались пол, возраст и район проживания пропорционально структуре населения Ижевска в возрасте от 18 лет по данным Удмуртстата на 1 января 2019 г. (Возрастно-половой...). Онлайн-опрос проводился с 4 по 18 января 2020 г. через размещение постов в социально-политических и культурно ориентированных группах социальных сетей vk.com

и facebook.com (доля трафика на уровне 20 %), а также размещение рекламных объявлений в этих же сетях (с привязкой к котируемым признакам) для привлечения респондентов в исследование (доля трафика на уровне 80 %). Осуществлялось стимулирование участия респондентов в опросе за счет розыгрыша призов (билеты на культурно-развлекательные мероприятия, подарочные сертификаты в интернет-магазине). В итоге по результатам онлайн-опроса было случайным образом отобрано 518 анкет, удовлетворяющих заданным квотам в возрасте до 45 лет. Очный этап исследования подразумевал балансирование полученных в ходе онлайн-исследования данных. Он проходил с 20 января по 5 марта 2020 г., в итоге дополнительно было получено 483 анкеты.

В количественных исследованиях 2009 и 2020 гг. использовались схожие вопросы анкет при изменении общей композиции и некоторых шкал (Власова, Обухов 2020а: 6–9). При этом необходимо отметить, что исследование 2009 г. включало в себя большее количество вопросов, которые задавались респондентам, в то время как исследование 2020 г. было построено на меньшем количестве задаваемых вопросов с коррекцией используемых шкал. Только часть вопросов 2009 г. была ориентирована на изучение символического пространства города. В то время как в исследовании 2020 г. основной целью являлось определение наиболее востребованных символов Ижевска по мнению его горожан. Коррекция ответов на вопросы анкеты происходила вследствие значительных изменений в пространстве Ижевска за прошедшие десять лет. Шкалы видоизменялись с опорой на результаты анализа интервью экспертов. Для проверки в исследовании 2020 г. было выдвинуто несколько гипотез. Первая гипотеза касалась произошедших изменений в физическом пространстве города: введение новых объектов городского пространства могло способствовать изменению в способах репрезентации Ижевска по мнению горожан. Мы не ожидали падения значимости «исторических» символов. Вторая гипотеза была связана с ожиданием формирования более четких групп поддержки тех или иных городских символов по прошествии десяти лет. Кроме того, мы предполагали, что для более молодых респондентов может быть характерна большая ориентация на «новые» или «альтернативные» городские символы. Наконец, последняя гипотеза предполагала, что возможный уровень поддержки учреждений культуры и определенных мероприятий города будет зависеть от материального состояния горожан и уровня образования. При этом мы не ожидали, что будет зафиксирован высокий уровень поддержки организаций и мероприятий, включающих в себя этническую тематику.

Формы городской идентичности: от «города оружейников» к «Ижевской волне»

В последние годы в Ижевске происходит активное конструирование городской идентичности. В этом процессе становится очевидной потребность в комплексе идей, которые значимы для широкого круга горожан, к которому смогут апеллировать городские власти, учреждения культуры, СМИ, общественные активисты. Разработка символического паттерна рассматривается как решающий элемент для повышения туристической привлекательности Удмуртской Республики. Однако набор символов крайне неоднороден. Если применительно ко всему региону акцент делается на этнической специфике, то в Ижевске актуализируется различное содержание локальной идентичности в разных ситуациях.

В Ижевске существуют сложности использования исторического наследия в процессе конструирования городской идентичности. Сохранилось лишь небольшое количество зданий начала XX в. Этап активной городской застройки пришелся на 1960–1980-е годы. До этого большинство домов были деревянными. Сохранившиеся исторические постройки нуждаются в масштабной реставрации или были частично/полностью утрачены после 1990-х годов. Одновременно с этим советский этап развития города создал условия для существования символического разрыва с основными элементами и фигурами исторического нарратива основания города, несмотря на его изначально заводской и рабочий статус.

Закономерно, что комплекс узнаваемых городских символов строится вокруг самого значимого элемента советского периода. Для Ижевска таким элементом становится конструктор М.Т. Калашников, его автомат, оружейное производство. Личность М.Т. Калашникова с 1990-х годов подвергалась символической интенсификации: его имя присвоено концерну (в настоящее время группе компаний) по производству стрелкового оружия, в 2004 г. открыт музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М.Т. Калашникова, в честь конструктора названы проспект и технический университет. Трансформация личности и имени Калашникова в региональный бренд привела к появлению различных видов сувенирной продукции. Портрет Калашникова или автомат АК-47 изображается на зажигалках, термокружках, фляжках, визитницах, блокнотах, чехлах для смартфонов, флеш-накопителях, брелоках. В виде автомата выпускались пряники. С 1995 г. ОАО ЛВЗ «Глазовский» производит водку «Калашников», в том числе в сувенирной бутылке, выполненной в форме автомата. Длительное использование военизированной символики способствовало размыванию приписываемых ей смыслов. Разночтения

в содержании символического комплекса характерны не только для различных категорий горожан, но и для более интегрированного сообщества экспертов.

Информанты-эксперты, принимавшие участие в исследовании, вовлечены в деятельность, которая требует публичного представления образа Ижевска на мероприятиях разного характера и уровня (академические конференции, общественные слушания, туристические презентации). Чем чаще информанты выступали публично, тем чаще для знакомства аудитории с Ижевском они использовали персону М.Т. Калашникова и уже привычные концепты «город оружейников» или «родина автомата». Эта установка была особенно характерна для представителей муниципальной власти и официальных представителей учреждений культуры или профильных отделов министерств.

Информанты, имеющие отношение к академическим профессиям, стремятся расширить сложившийся образ за счет элементов, близких к сфере их интересов. Первый способ расширения символического комплекса предполагает дополнение характеристик, связанных с другими направлениями развития городской промышленности, ставшими известными в советский период (производство автомобиля «ИЖ 2126», мотоциклов «ИЖ-Планета» и «ИЖ-Юпитер»). Второй способ, позволяющий усложнить символический комплекс, опирается на массив исторической информации, поэтому он характерен для информантов, которые имели отношение к музеям, историческим экскурсиям, преподаванию истории края. Для них на первый план выходили исторические персонажи (П.И. Шувалов, А.Ф. Дерябин, С.Е. Дудин) и немногие сохранившиеся в Ижевске исторические здания (Главный корпус оружейного завода, Генеральский дом, Пивомедоваренный завод Бодалева, историческая застройка на улице М. Горького). Информанты подчеркивали необходимость мер актуализации этого исторического наследия для жителей города: «Все проблемы [связаны] с исторической частью города, она выпала из нашего восприятия» (жен, сотрудник НИИ).

Третий способ репрезентации отражает установку части информантов, которые имели отношение к сфере искусства, дизайна, культурного проектирования и составляли достаточно замкнутое сообщество. Эти информанты предлагали отказаться от военной символики, связанной с М. Калашниковым. Альтернативой для них становилась известность Ижевска благодаря деятельности местных художников и музыкантов:

Это милитари внешне, ты его все время пытаешься скорректировать. Ты говоришь, что Ижевск — это столица и электронной

музыки, там у нас, да, есть такой культурный пласт. <...> в Перми вот когда бываю, там Ижевск формулируют как место, где делают классное ижевское мороженое (муж, директор фирмы дизайнера).

Особое значение участники исследования придавали феномену электронной музыки 1990-х годов, получившей название «Ижевская волна». Перечисляя современные культурные явления, информанты делали акцент на художественных перформансах, постановках независимого театра «Les Partizans», музыкальных фестивалях. Как показали затем результаты опроса, горожане практически не поддерживают альтернативные символы города в качестве возможных элементов внешней репрезентации.

Противоречивость и многообразие трактовок символов города затрудняют формулировку идей, которые могли бы способствовать как мобилизации организованных общественных движений, так и проявлению низового активизма. Эксперты называли немногочисленные примеры, когда жители высказывали поддержку одних инициатив «сверху» или, напротив, несогласие с другими. Как правило, речь шла о проектах городского благоустройства по программе формирования современной городской среды. Примеры волонтерской помощи, которые называли участники исследования, были связаны с реализацией грантовых проектов в Музее Ижевска и Национальном музее Удмуртской Республики. Единственным примером защиты исторических объектов, который смогли вспомнить информанты, стала акция в поддержку старого здания Русского драматического театра летом 2019 г. (Театр...).

Вместе с этим при анализе материалов интервью с экспертами можно увидеть, что в соответствии с общемировыми тенденциями (Beel et al. 2017) среди ижевчан растет интерес к краеведению, локальной истории, поиску семейных архивов. На волне этого интереса, как замечали информанты, жители города чаще принимают участие в обсуждениях результатов реставрации и благоустройства, составлении генеалогий, публикации в Сети личных фотоархивов, связанных с историей города. При этом ни в интервью, ни в повседневных наблюдениях не встречалась метафора «живого города», как это фиксировалось исследователями на примере городов с признанным историческим наследием (Гладарев 2013: 29). Среди экспертов одним из самых распространенных утверждений была констатация факта, что, хотя Ижевск располагает удобной и сбалансированной инфраструктурой, у жителей не формируется эмоциональная привязанность к городу, и, следовательно, не возникает устойчивых общественных объединений на этой основе. Чаще всего ижевчане проявляют активность в разовых волонтерских акциях по вопросам, непосредственно

касающимся их качества жизни: субботниках по уборке мусора, экологических акциях, культурных мероприятиях.

Значение городских символов для ижевчан

Как было указано выше, горожане склонны воспроизводить относительно устоявшийся набор символов Ижевска, особенно в ситуации необходимости представить город в России или мире. Альтернативы, которые были предложены экспертами на этапе проведения интервью, не нашли какой-то существенной поддержки со стороны горожан. Одновременно с этим символическое пространство города по результатам опроса выглядит не столь гомогенным и однозначным, как в случае с представлениями экспертов.

Доминирующей фигурой с точки зрения представления Ижевска в России и мире является М. Калашников (табл. 1). Эта тенденция не изменилась за прошедшее десятилетие. На втором месте по значимости находится советская лыжница и четырехкратная олимпийская чемпионка Г. Кулакова, третье место по значимости занял композитор П. Чайковский. Все три представленных фигуры продемонстрировали снижение рейтинга популярности за 11 лет, наиболее сильное — у Г. Кулаковой. Общее снижение поддержки в долях первых трех позиций может быть связано с увеличением количества людей, представленных респондентам в списке для выбора. Необходимо отметить, что исторические персоны, связанные с основанием Ижевска, занимают позиции с 4 по 6, причем значительное падение относительно доли поддержки горожан продемонстрировал лишь А. Дерябин. М. Калашников и П. Чайковский в целом являются знаковыми фигурами для всех основных категорий горожан. Г. Кулакова в большей степени поддерживается женщинами (63 % женщин и лишь 37 % мужчин), более старшими возрастными когортами. П. Шувалов чаще поддерживается среди женщин, предпринимателей, проживающих в Октябрьском (центральном) районе Ижевска. А. Дерябин популярен среди людей в возрасте 30–40 лет, предпринимателей, с высшим образованием, проживающих в Октябрьском (центральном) районе Ижевска.

Значимость определенных зданий и объектов для презентации Ижевска неоднородно воспринимается горожанами и подвержена значительным изменениям с течением времени (табл. 2). Такие флуктуации, скорее всего, связаны с эффектом новизны ряда объектов (Свято-Михайловский собор, Государственный зоологический парк Удмуртии) или практикой реконструкции и возвращения в ткань города (Набережная Ижевского пруда, Центральная площадь города, здание Государственного цирка). Необходимо отметить, что первые позиции рейтинга представлены

объектами разного свойства: культовые учреждения, советские памятники, исторические здания, общегородские пространства, развлекательные заведения. Существует ряд статистически значимых особенностей с точки зрения определения значимости тех или иных объектов для горожан. Свято-Михайловский собор чаще поддерживается среди женщин, старших возрастных когорт, средних и малоодоходных групп, живущих в Ижевске продолжительное время, но не родившихся в городе. Главный корпус оружейного завода, историческое здание и памятник градостроительства и архитектуры федерального значения, чаще поддерживают люди в возрасте 30–40 лет, с высшим образованием. Монумент «Дружба народов» наиболее популярен у коренных горожан, молодой аудитории и аудитории пенсионного возраста.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных людей, имеющих отношение к истории нашего города, достойны того, чтобы представлять образ Ижевска?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до трех ответов одновременно)

	2020	2009
М. Калашников (оружейный конструктор)	75,5	81,7
Г. Кулакова (советская лыжница, 4-кратная олимпийская чемпионка)	43,7	54,3
П. Чайковский (композитор) ¹	33,5	35,5
А. Дерябин (основатель Ижевского оруж. завода)	27,2	43,8
Граф П. Шувалов (основатель Ижевска)	23,8	21,1
С. Дудин (архитектор, автор генплана Ижевска)	16,5	12,8
К. Герд (удмуртский поэт, прозаик, драматург, переводчик, общественный деятель)	15,7	12,8
Е. Драгунов (советский оружейник-конструктор)	13,8	н/д
И. Черезов (3-кратный чемпион мира по биатлону, призер Олимпийских игр)	9,1	18,1

¹ Формально П. Чайковский не имеет прямого отношения к Ижевску, основные места, связанные с ним, расположены в г. Воткинске и Воткинском районе. Однако празднование юбилея композитора с многочисленными концертами и выступлениями в Ижевске, традиционный крупный музыкальный фестиваль побудили нас включить эту историческую фигуру в качестве знаковой и для Ижевска.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие здания и места города достойны того, чтобы представлять Ижевск в масштабах России (например, на открытках, в программе экскурсий для гостей)?» (% по столбцу, от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до трех ответов одновременно)

	2020	2009	2004
Свято-Михайловский собор	44,3	75,6	н/д
Монумент «Дружба народов»	30,9	24,3	37,6
Ижевский пруд и набережная пруда	27,0	16,9	23,1
Главный корпус Ижевского оружейного завода	23,2	20,5	25,9
Государственный зоологический парк Удмуртии	23,0	32,9	н/д
Центральная площадь города Ижевска	20,1	н/д	н/д
Собор Александра Невского (архитектор Андреян Захаров)	15,5	22,6	58,3
Арсенал Ижевского оружейного завода (здание Национального музея УР)	14,4	26,4	42,7
Памятник ижевским оружейникам	13,0	н/д	н/д
Здание Государственного цирка Удмуртии	10,6	44,7	29,3
«Вечный огонь» на Карлутской площади Ижевска	10,3	н/д	н/д

Общий образ Ижевска в исследовании прослеживался с помощью вопроса выбора утверждений/определений, наилучшим образом отражающих суть города (табл. 3). В целом первые позиции рейтинга соотносятся с частью символов, обозначенных в предыдущих вопросах. Но одновременно с этим большинство горожан стремятся определять Ижевск через административную функцию столицы региона. Оружейный и заводской статус находятся на втором и третьем месте соответственно. К сожалению, прямое сравнение заводского статуса Ижевска по годам не совсем корректно, так как в исследовании 2009 г. использовалось другое определение — промышленный центр. Но обращает на себя внимание тенденция падения значимости оружейного статуса и роста заводского (даже вследствие простого изменения методики). Еще одной важной особенностью является то, что существуют минимальные различия в поддержке тех или иных образов Ижевска горожанами. За отличный статус чаще выступают женщины, жители Октябрьского (центрального) района города, люди, живущие в Ижевске всю жизнь или более 15 лет. Оружейный статус города также склонны чаще выбирать

женщины. Все остальные различия в поддержках находятся на уровне статистической погрешности.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие утверждения лучше всего отражают образ Ижевска?» (% по столбцу от ответивших на вопрос; респондент мог выбрать до трех ответов одновременно)

	2020	2009
Ижевск — столица Удмуртии	64,6	80,9
Ижевск — город оружейников	56,6	71,5
Ижевск — город-завод*	47,7	32,1
Ижевск — многонациональный город	24,6	45,2
Ижевск — культурная столица**	9,7	12,8
Ижевск — спортивный центр	9,4	10,7
Затрудняюсь ответить	6,6	н/д***
Ижевск — образовательный центр	6,0	12,8
Ижевск — развлекательный центр	3,6	н/д
Ижевск — туристический центр	3,0	н/д

* В исследовании 2009 г. — «Крупный промышленный центр».

** В исследовании 2009 г. — «Культурная столица Поволжья».

*** н/д — здесь и далее нет данных, в исследовании 2009 г. респондентам предлагалось меньшее количество ответов, ответ «Ижевск — центр Ижевско-Воткинского восстания 1918–1919 гг.» был убран из исследования 2020 г.

С целью прослеживания устойчивых взаимосвязей различных символов в восприятии горожан был построен граф взаимосвязи символов на основе ответов на вышеуказанные вопросы (рис. 1). Размер вершины графа показывает количество горожан, которые поддерживают тот или иной символ. Толщина ребра указывает на количество горожан, выбирающих одновременно символы, соединенные ребром (цвет показывает, насколько символы часто встречаются в ответах горожан одновременно: красный — очень часто, желтый — среднее значение, синий — редко). Как и следовало ожидать, наиболее тесно взаимосвязаны между собой символы, занимающие первые позиции в трех соответствующих рейтингах.

Необходимо отметить, что при более детальном анализе взаимосвязи символов невозможно выделить устойчивые цепочки ассоциаций в восприятии горожан за пределами трех значимых символов. Причем наиболее тесно взаимосвязаны знаковые имена и определения города. Наиболее

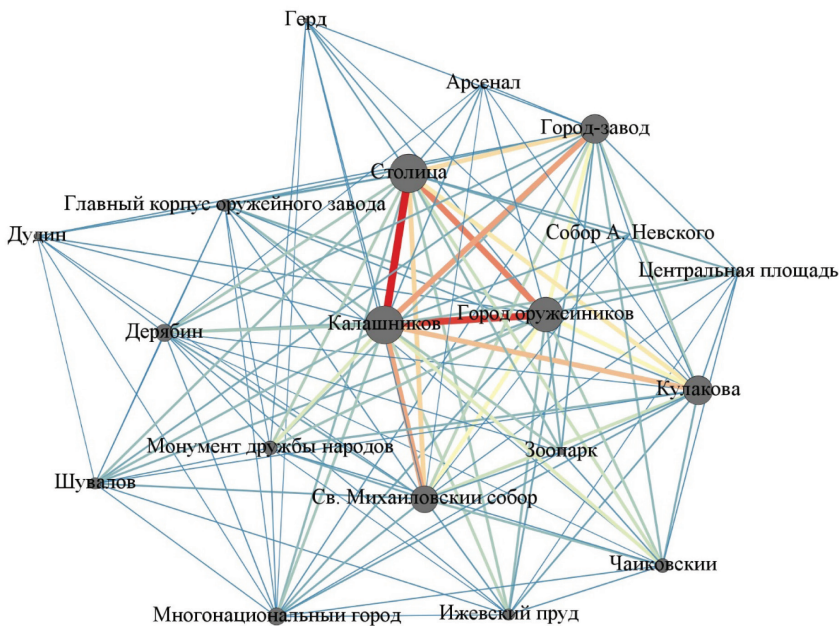

Рис. 1. Взаимосвязь основных символов города по результатам опроса горожан

устойчивые цепочки, которые воспроизводятся более 20 % опрошенных респондентов: «Свято-Михайловский собор» — «Ижевск — столица Удмуртии» — «Ижевск — город оружейников» или «М. Калашников»; «Свято-Михайловский собор» — «Ижевск — город оружейников» — «М. Калашников»; «Ижевск — столица Удмуртии» — «Ижевск — город оружейников» — «Г. Кулакова». Альтернативные имена, места, объекты и определения не образуют устойчивых ассоциаций даже для 5 % респондентов. В большинстве случаев они лишь добавляются к вышеуказанным ассоциативным рядам.

Таким образом, возможно констатировать, что доминирующим в восприятии горожан является традиционное определение Ижевска через его взаимосвязь с М. Калашниковым и оружейным, производственным статусом города. Эти доминирующие способы определения могут незначительно расширяться для небольшого количества респондентов за счет введения религиозных символов или альтернативных советских персон, которые считаются известными за пределами Удмуртии. Обращает на себя внимание тот факт, что доминирующим определением для Ижевска оста-

ется его «столичный» в Удмуртии статус. Несмотря на попытки экспертного сообщества и сообществ активистов выстроить альтернативный символический нарратив для Ижевска, горожане в значительной степени продолжают выступать за оружейную и индустриальную идентичность города.

При этом скептическое отношение экспертов к способности и готовности горожан участвовать в поддержке культурных инициатив и развитии символического пространства города может быть не вполне обосновано. В опрос 2020 г. были включены вопросы, оценивающие готовность респондентов к материальному участию в деятельности тех или иных учреждений культуры и мероприятий. Так, 53 % опрошенных сообщили, что они готовы поддерживать учреждения культуры Ижевска на ежемесячной основе. При этом Государственный национальный театр Удмуртской Республики, архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай», Музей-усадьба П.И. Чайковского, Государственный театр оперы и балеты Удмуртской Республики им. П.И. Чайковского, Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова, Музей Ижевска, Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств готовы поддерживать более 10 % опрошенных горожан. Необходимо отметить, что в большинстве случаев сумма материальной поддержки не превышает 100 руб. (медианное значение 100 руб., мода — 100 руб., среднее арифметическое значение — 294 руб.), но в данном контексте наиболее значима сама готовность участия в деятельности учреждения, ориентированного на символическое производство.

Соотношение региональной и столичной идентичности

Этническое многообразие характерно для большинства регионов РФ. В таких регионах, как Удмуртская Республика, имеющих в названии титульную этническую группу, предпринимаются действия, смысл которых — символически представить соответствующую этническую культуру. В европейских странах есть примеры, когда городская идентичность выражена слабее, чем национальная и этническая (Vallbé, Magre, Tomàs 2018).

Статус столицы Удмуртской Республики обуславливает актуализацию в Ижевске целого спектра символических элементов этнической культуры. В общественных пространствах символически представлена прежде всего удмуртская культура. Но она сочетается с символикой других финно-угорских народов из-за осознаваемых отношений культурной близости (Богатова 2019: 418), а также с татарской, благодаря территориальному соседству. Отметим, что связка символики города и элементов этнической культуры получает различную трактовку со стороны экспертов. Часть

информантов следовали устоявшимся представлениям, в соответствии с которыми этническая культура ассоциируется с сельской местностью.

Удмуртов на заводе практически не было, единицы были, они в основном занимались выжигом угля в деревнях, и этого было им достаточно. Они даже станков боялись (муж., экскурсовод).

В этом случае эксперты подчеркивали надэтнический характер заводского производства и всей городской жизни, нивелирующей этническую специфику. Некоторые информанты высказывали опасения, что интенсификация удмуртской этнической идентичности противоречит универсальному содержанию городской культуры.

Другая часть экспертов, среди которых были те, кто идентифицировал себя как удмурта(-тку) или человека «с удмуртскими корнями», придерживались позиции продуктивности взаимного влияния городских и этнических символов. Эти информанты считали важным реализовать культурное разнообразие, которое, по их мнению, станет выигрышным для имиджа Ижевска. В качестве образцового примера города, где этническая специфика обогатила символический потенциал городского пространства, выступала Казань. Как правило, информанты считали необходимым интенсифицировать языковую среду (дублирование объявлений, использование удмуртского языка в названиях коммерческих и общественных объектов). Информанты, имеющие опыт участия в проектах городского развития, предлагали расширить масштабы визуального присутствия удмуртской символики в виде элементов архитектуры, орнаментов, оформления интерьеров общественных зданий. Взаимное «притяжение» городской и этнической культуры трактовалось как явление, которое происходит «само собой», если городские проектировщики позволяют этому осуществиться.

Мы пришли как раз к тому, что появилась как бы большая табуретка на входе, и на которой повисли трубы. И мы сейчас всем говорим, что труба как некий символ Ижевска. Ствол, пушки, автомата, заводская труба. И при этом удмурты, у которых есть там тангыра, но она, правда, деревянная, но это висящие палки, при ударе по которым извлекался звук <...> он был неким сигналом на дальние расстояния (муж., генеральный директор девелоперской фирмы).

Сопоставление различных экспертных оценок показывает несформированность идеи совмещения этнической и городской идентичности. На символическом уровне содержание этнической культуры совмещается

с сельским образом жизни. Элементы этнической культуры в городском пространстве проявляются как результат архитектурных или дизайнерских решений, которые иногда получают интерпретацию постфактум.

В целом горожане, по результатам опроса, не склонны поддерживать символы, позволяющие представить этнический компонент в презентации Ижевска. Несмотря на то что доминирующим определением Ижевска является его столичный статус, жители не склонны видеть в числе знаковых символов города людей, которые занимались популяризацией этнической специфики региона (к примеру, Кузубай Герд — удмуртский поэт, прозаик, драматург, переводчик, общественный деятель). Лишь Г. Кулакова, происходящая из титульной этнической группы, пользуется значительной поддержкой горожан, но одновременно она является и знаменитой спортсменкой. Одной из самых заметных негативных тенденций стало значительное уменьшение количества горожан, которые определяли Ижевск через многонациональный (полиэтнический) статус (см. табл. выше). Мы не можем однозначно сказать, насколько этническая принадлежность влияла на выбор респондентами тех или иных символов города, так как вопрос об этнической принадлежности не задавался в исследовании 2020 г. Но по результатам исследования 2009 г. этническая принадлежность не оказывала влияния на выбор респондентов относительно знаковых символов (Рупасов 2009: 50).

Вместе с этим необходимо отметить, что ижевчане склонны интересоваться мероприятиями, связанными с этнической составляющей, и поддерживать учреждения культуры с этническим профилем. Поддержка рассматривалась за счет двух ключевых вопросов: «Какие учреждения не должны быть сняты с бюджетного финансирования ни при каких обстоятельствах?» и «Какие учреждения вы готовы поддерживать лично, осуществляя ежемесячные пожертвования?». Так, с точки зрения сохранения бюджетного финансирования Государственный национальный театр Удмуртской Республики поддерживают 37,6 % горожан (3 место в рейтинге учреждений), Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда — 25,9 % опрошенных горожан (7 место в рейтинге), Дом Дружбы народов — 18,6 % горожан. По всем трем учреждениям с национально-этническим профилем деятельности наблюдается рост поддержки в сравнении с 2009 г. Интересен тот факт, что с точки зрения личной денежной поддержки Государственный национальный театр выходит на второе место в рейтинге учреждений (его готовы лично поддерживать с помощью пожертвований 22 % горожан), в то время как Национальный музей готовы спонсировать лишь 7,4 % горожан, а Дом Дружбы народов — 5,2 %.

Стремление властей относительно развития туристической инфраструктуры (Власова, Обухов, 2020b) Удмуртской Республики нашло свое воплощение в формировании достаточно интенсивного и этнически нагруженного календаря туристических мероприятий (Календарь...). Кроме поддержки учреждений, жителям Ижевска интересны мероприятия, включающие в себя этническую составляющую. Так, из 15 мероприятий, протестированных в опросе относительно интереса и узнаваемости среди ижевчан, шесть несут ярко выраженную этническую составляющую. Все они пользуются стабильным интересом со стороны как минимум 20 % горожан.

Таким образом, несмотря на то что мнения экспертов разделились относительно применимости символического ресурса этнической специфики региона в развитии территории Ижевска, достаточно большая доля горожан интересуется этническими мероприятиями и готова поддерживать, в том числе материально, этнические учреждения культуры. Кроме того, более 64 % опрошенных респондентов определяют Ижевск через столичный статус этнического региона, а еще $\frac{1}{4}$ респондентов обращают внимание на многонациональность Ижевска. Это, безусловно, показывает, что существует определенная возможность аккумуляции этнической символики для развития Ижевска.

Заключение

Многообразие символов, которые ассоциированы с городом Ижевском, по-разному оценивается и воспроизводится различными категориями горожан и экспертами. Несмотря на то что среди экспертов существует устоявшееся мнение относительно центральной позиции М.Т. Калашникова в репрезентации Ижевска за пределами города, часть из них осознает исчерпанность символического потенциала этой фигуры для развития представлений о городе. В ситуации значительной пролиферации бренда «Калашников» в сообществе активистов формируется запрос на осознанное мифотворчество с целью поиска новых знаковых символов и форм локальной идентичности горожан. При этом в среде экспертов обращение к этнической специфике, несмотря на ее богатый символический потенциал, воспринимается неоднозначно. Эксперты лишь сходятся во мнении, что возможно использование отдельных элементов удмуртских мотивов в развитии символического пространства и территории города. Перспективной альтернативой участникам интервью видится ориентация на креативный потенциал ижевчан, представленный через необычные объекты городского пространства, инженеров, конструкторов, художников.

Необходимо отметить, что с точки зрения анализа мнения рядовых горожан мы сталкиваемся с ситуацией доминирования комплекса ассоциаций, напрямую связанных с М.Т. Калашниковым и индустриальным прошлым Ижевска. Альтернативные символы и определения города не находят четкой поддержки со стороны ижевчан и в большинстве случаев лишь дополняют устоявшийся ассоциативный ряд. Обращает на себя внимание тот факт, что происходит своеобразное «забвение» истории основания города. Как отмечают эксперты в своих интервью, горожан в большинстве случаев интересует участие в благоустройстве города и развитии публичных пространств, но не история и исторические памятники прошлого. При этом тезис о том, что жители Ижевска не проявляют интерес к развитию культурных индустрий или этнической специфике территории своего проживания, не находит подтверждения в опросе. Среди опрошенных высок процент тех, кто готов материально участвовать в поддержке учреждений культуры, и тех, кто интересуется этнической тематикой. Общее доминирующее определение Ижевска носит нейтральный административный характер, что может служить базой для объединения множества различных символов.

Отношение горожан к изменениям в пространстве Ижевска, в отличие от экспертов, скорее позитивное. Достаточно большая доля опрошенных положительно воспринимает вновь введенные в ткань города объекты, считает их достойными того, чтобы представлять Ижевск в масштабе России и мира. При этом длительные наблюдения показывают, что появление каждого нового объекта способно привести к забвению старых значимых зданий, сооружений или памятников. С этой точки зрения горожане открыты к развитию городского пространства и появлению новых символических объектов через трансформацию физической среды города. Необходимо уточнить, что такая ситуация может быть связана с отсутствием эмоциональной и непосредственной вовлеченности в происходящие изменения. Это возвращает нас к тезису о том, что региональные центры России зачастую идут по пути развития городов Восточной Европы при меньшем уровне участия сообществ и горожан в производимых изменениях. В этом смысле создаваемые объекты незначительно участвуют в формировании представлений о локальной идентичности, могут быть легко забыты и стать проблемными в ткани города.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Программы президентских грантов № 19-2-021122 «Дерябинские ассамблеи: межрегиональный форум исторических городов-заводов Урала и Поволжья».

Литература

Богатова О.А., Гусева Е.Н. (2019) Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации на примере Ижевска и Саранска. *Вестник Удмуртского университета. Социология, Политология. Международные отношения*, 3(4): 409–429.

Вахштайн В.С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, 2: 9–38.

Власова Т.А., Обухов К.Н. (2020а) *Ижевск 2020: опыт социологического исследования символического пространства города*. Ижевск: Монпоражен.

Власова Т.А., Обухов К.Н. (2020b) Представления об этнической традиции удмуртов в рамках сельских туристических проектов. *Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. Современная удмуртская культура*. Таллин: Изд-во Таллинского ун-та, 1: 369–403.

Викери Дж. (2009) Возрождение городских пространств посредством культурных проектов — синтез социальной, культурной и городской политики. Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М.: Вариант; ЦГСПИ: 205–234.

Гладарев Б. «Это наш город»: анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия. Клеман К. (ред.) *Городские движения России в 2009–2012 гг.: на пути к политическому*. М.: НЛЮ: 23–145.

Грац Р. (2008). *Город в Америке. Жители и власти*. М.: Общество развития родной культуры.

Зукин Ш. (2015) *Культуры городов*. М.: НЛЮ.

Рупасов Н.Ю. (2009) Ментальные карты Ижевска: стартовые позиции и перспективы города. Сахарных Д.М. (ред.) *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*, 2(6): 29–75 [<http://tehne.com/assets/i/upload/library/mentalnye-karty-izhevsk.pdf>] (дата обращения: 04.07.2020).

Семенов А.В. (2019) Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*, 12: 29–37.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13(2): 241–256.

Хезмондалш Д. (2014) *Культурные индустрии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Beel D.E., Wallace C.D., Webster G., Nguyen H., Tait E., Macleod M., Mellish C. (2017) Cultural resilience: The production of rural community heritage, digital archives and the role of volunteers. *Journal of rural Studies*, 54: 459–468.

Grigg S., Howarth D., Feandeiro A. (2020) The logic and limits of “collaborative governance” in Nantes: Myth, ideology, and the politics of new urban regimes. *Journal of Urban Affairs*, 42(1): 91–108.

Hauge A.L. (2007) Identity and place: a critical comparison of three identity theories. *Architectural Science Review*, March [<http://www.highbeam.com/DocPrint.aspx?DocId=1G1:160922464>] (дата обращения: 24.05.2020).

Jacobs J. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Vintage books.

Molotch H. (1976) The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. *American Journal of Sociology*, 82(2): 309–332.

Polanska D.V. (2020) Going against institutionalization: New forms of urban activism in Poland. *Journal of Urban Affairs*, 42(2): 176–187.

Vallbé J.-J., Magre J., Tomàs M. (2018) Being Metropolitan: the effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of Urban Affairs*, 40(1): 13–30. <https://doi.org/10.1111/juaf.12243>.

Winter T. (2013) Clarifying the critical in critical heritage studies. *International Journal of Heritage Studies*, 19(6): 532–545.

Zukin S. (1982) *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. New Jersey: Johns Hopkins University Press.

Источники

Возрастно-половой состав населения МО УР на 1 января 2019 [<https://udmstat.gks.ru/folder/51924>] (дата обращения: 24.09.2021).

Музей Ижевска [<https://vk.com/izhmuseum>] (дата обращения: 05.05.2021).

Национальный музей Удмуртской Республики [<https://nmur.ru/about/news/pervyj-subbotnik-na-bashne-oruzhejnogo-zavoda>] (дата обращения: 04.05.2021).

Театр имени Короленко: снести нельзя реконструировать [<https://udm-info.ru/article/general/24-07-2019/teatr-im-korolenko-snesti-nelzya-rekonstruirovat>] (дата обращения: 05.05.2021).

Культурные события. Афиша мероприятий [<https://visitudmurtia.ru/tourism/events>] (дата обращения: 11.05.2021).

IN SEARCH OF THE “IZHEVSK MYTH”: THE SYMBOLIC SPACE OF THE CITY AS A RESOURCE FOR THE TERRITORY DEVELOPMENT

Tatiana Vlasova^a (tavlasova@yandex.ru),
Konstantin Obukhov^b (fagotfrosch@gmail.com)

^a Udmurt State University, Izhevsk, Russia

^b Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Citation: Vlasova T., Obukhov K. (2021) V poiskakh «izhevskogo mifa»: simvolicheskoye prostranstvo goroda kak resurs razvitiya territoriy [In search of the “Izhevsk myth”: the symbolic space of the city as a resource for the territory development]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(4): 196–220 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.8>

Abstract. The subject of this article is the symbolic space of Izhevsk as a typical example of the city that went through post-soviet transformation, when the implementation of the environment improvement programs have sparked the discussion about city identity. The research allowed to find out the variety of ideas about the symbols of the city, and to correlate the most common ways of Izhevsk representation among the citizens. The empirical basis of the research are 30 semi-structured interviews with the experts in the city development sphere and the survey among the citizens (n=1001). The experts have described three ways to represent Izhevsk. Except “the city of gunsmiths” there may be the imagery of manufacturing and sports, art, and music. But the variety of city symbols used by experts is not common in social media and among the city residents. According to survey results, they prefer to use conventional symbols, along with the industrial past is prevalent. There is no way to form a well-rounded selection supported by the majority by analyzing the preferences of city residents. Despite the most mentioned symbols (names, images, objects) being identified in the survey, there is no clear logic in the associations, and the city and region identity often contradict each other. Regional brands are mostly based on ethnic characteristics of Udmurtia, that imply rural way of living. Its inclusion in the city space is mostly due to architecture or designer choice, with the dominant role of the industrial symbols.

Keywords: Urban space, Post-soviet city, Izhevsk, Udmurtia, Territory, Urban Symbolism, Urban image, Urban Identity.

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian President Foundation “Deryabin assembly: Industrial City Development” (no. 19-2-021122 2019-2020).

References

Beel D.E., Wallace C.D., Webster G., Nguyen H., Tait E., Macleod M., Mellish C. (2017) Cultural resilience: The production of rural community heritage, digital archives and the role of volunteers. *Journal of rural Studies*, 54: 459–468.

Bogatova O.A., Guseva E.N. (2019) Istoricheskaya pamyat' i etnichnost' v gorodskoj arhitekturnoj srede kak faktor konstruirovaniya social'noj identichnosti naseleniya stolic respublik v sostave Rossijskoj Federacii na primere Izhevskaja i Saranskaja [Historical memory and ethnicity in the urban architectural environment as a factor of social identity construction in the capitals of the Russian Federation republics on the example of Izhevsk and Saransk]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya, Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations], 3(4): 409–429 (in Russian).

Gladarev B. (2013) «Eto nash gorod»: analiz Peterburgskogo dvizheniya za sohranenie istoriko-kul'turnogo naslediya. [“It is our city” analysis of the movement for the cultural and historical heritage in Saint-Petersburg]. In: Clement C. (ed.): *Gorodskie dvizheniya Rossii v 2009–2012 gg. na puti k politicheskomu* [Urban Movements in Russia in 2009–2012: on the way of politics]. Moscow: NLO: 23–145 (in Russian).

Grac R. (2008). *Gorod v Amerike. Zhiteli i vlasti* [City in America. Citizens and Power]. Moscow: Obshchestvo razvitiya rodnoj kul'tury (in Russian).

Grigg S., Howarth D., Feandeiro A. (2020) The logic and limits of “collaborative governance” in Nantes: Myth, ideology, and the politics of new urban regimes. *Journal of Urban Affairs*, 42(1): 91–108.

Hauge A.L. (2007) Identity and place: a critical comparison of three identity theories. *Architectural Science Review*, March [<http://www.highbeam.com/DocPrint.aspx?DocId=1G1:160922464>] (accessed: 24.05.2020)

Hesmondhalgh D. (2013) *Kul'turnye industrii* [The cultural industries]. Moscow: HSE Press (in Russian).

Jacobs J. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Vintage books.

Molotch H. (1976) The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. *American Journal of Sociology*, 82(2): 309–332.

Polanska D.V. (2020) Going against institutionalization: New forms of urban activism in Poland. *Journal of Urban Affairs*, 42(2): 176–187.

Rupasov N.Y. (2009) Mental'nye karty Izhevskaja: startovye pozicii i perspektivy goroda [Mental maps of Izhevsk: starting positions and future perspectives of the City]. In: Sakharnykh D.M. (ed.) *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii* [Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction]. Izhevsk: Unita, 2(6): 29–75 [<http://tehne.com/assets/i/upload/library/mentalnye-karty-izhevskaja.pdf>] (accessed: 04.07.2020) (in Russian).

Semenov A.V. (2019) Kornj travy: patterny nizovoj gorodskoj mobilizacii v Rossii [The roots of the grass: patterns of grassroots urban mobilization in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 12: 29–37 (in Russian).

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2015) Gorodskoj politicheskij rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nyh i voobrazaemyh «mashin rosta» v bor'be za gorodskoe prostranstvo [The urban political regime in St.-Petersburg: the role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13(3): 241–256 (in Russian).

Vakhshstain V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom. [Reassembly of the city: between language and space]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2: 9–38 (in Russian).

Vallbé J.-J., Magre J., Tomàs M. (2018) Being Metropolitan: the effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of Urban Affairs*, 40(1): 13–30. <https://doi.org/10.1111/juaf.12243>.

Vickery J. (2009) Vozrozhdenie gorodskih prostranstv posredstvom kul'turnykh proektov — sintez social'noj, kul'turnoj i gorodskoj politiki [Culture-Led Regeneration — Synthesizing Social, Cultural and Urban Policy]. In: Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (eds.) *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual Anthropology: Urban Mental Maps]. Moscow: Variant; CSPGS: 205–234 (in Russian).

Vlasova T.A., Obukhov K.N. (2020a) *Izhevsk 2020: opyt sociologicheskogo issledovaniya simvolicheskogo prostranstva goroda* [Izhevsk 2020: experience of sociological research of urban symbolic space]. Izhevsk: Monporazhen (in Russian).

Vlasova T.A., Obukhov K.N. (2020b). Predstavleniya ob etnicheskoj tradicii udmurtov v ramkah sel'skih turisticheskikh proektov [Representations about Udmurt ethnic tradition within the frames of rural tourism]. *Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. Sovremennaya udmurtskaya kul'tura*. [Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora. Modern Udmurt Culture]. Tallin: Tallin University Press, 1: 369–403 (in Russian).

Winter T. (2013) Clarifying the critical in critical heritage studies. *International Journal of Heritage Studies*, 19(6): 532–545.

Zukin S. (1982) *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. New Jersey: Johns Hopkins University Press.

Zukin S. (2015) *Kul'tury gorodov* [The Culture of Cities]. Moscow: NLO (in Russian).